

Андрей Скрыдлов

Рец. на: Императорская Академия наук на пути обновления в 1801–1855 гг.: исторические очерки / Ред. и сост. Е.Ю. Басаргина. СПб.: Нестор-история, 2021. 680 с.

Andrey Skrydlov

(S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg)

Rec. ad. op.: Imperatorskaya Academia nauk na puti obnovleniia v 1801–1855 gg.: istoricheskiye ocherki. Saint Petersburg, 2021

DOI: 10.31857/S2949124X23060172, EDN: NNYVFR

Академия наук, будучи исторически первой формой институционализации фундаментальной науки в России, на протяжении трёх столетий оставалась одним из ключевых центров исследовательского и образовательного пространства, а также играла важную роль в культурной и общественной жизни страны, накопив богатый опыт, не утративший своей значимости и актуальности. Его изучение восходит к работам Комиссии по истории Академии наук СССР (КИАН), созданной в 1938 г. при Архиве АН СССР¹. Основной её целью являлась «подготовка к публикации документов, отражающих жизнь и деятельность наиболее выдающихся русских учёных»². Руководил ею С.И. Вавилов, а после его смерти и последовавшей затем реорганизации в сентябре 1953 г. КИАН и ряд других академи-

ческих комиссий вошли в состав Ленинградского отделения Института истории естествознания и техники АН СССР, где появилась группа, преобразованная в середине 1960 г. в сектор истории Академии наук во главе с А.В. Предтеченским³. Благодаря ему и его сотрудникам вышла в свет фундаментальная «История Академии наук СССР», охватывающая XVIII–XIX вв.⁴ В двухтомном исследовании удалось обобщить обширный фактический материал и очертить развитие отдельных отраслей академической науки, поместив его в широкий социальный контекст, охарактеризовать труды основных институтов и видных учёных.

В последующие десятилетия исследователи подробно разрабатывали различные аспекты становления Академии наук. Однако традиционно

их внимание привлекал прежде всего XVIII в., тогда как первая половина XIX в. долгое время находилась в тени университетской истории. Именно поэтому весьма значимым событием представляется издание в серии «Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки»⁵ коллективной монографии «Императорская Академия наук на пути обновления в 1801–1855 гг.». В её главах, подготовленных Е.Ю. Басаргиной, Н.Е. Груздевой, С.И. Зенкевич, О.А. Кириковой, И.В. Тункиной, К.Г. Шишкиной и И.М. Щедровой, прослеживается взаимодействие государственной власти и академической науки «в период двух крайне разнородных и противоречивых царствований — Александра I и Николая I» (с. 9). При этом авторы опирались на широкий круг источников, включающий нормативно-правовые акты, документы официального делопроизводства и личного происхождения, публикации в периодической печати, справочники и т.д. Особую ценность представляют впервые введенные в научный оборот материалы из фондов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (СПбФ АРАН), РГИА, Отдела рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея, Государственного исторического архива Латвии.

Книга состоит из двух частей. Первая разделена на четыре главы, в которых последовательно рассмотрены положение Академии наук и влияние на него государственной политики в области просвещения, особенности комплектования и изменения в личном составе и структуре академических учреждений, а также издательская деятельность. Вторая часть, сопоставимая по объёму с первой, включает 10 приложений, различных по своему типу и содержанию. Как правило, это тексты, выявленные в фондах СПбФ АРАН.

В первой главе показано, как по мере появления высших учебных заведений и научных обществ Академия наук постепенно утратила прежнюю монополию на производство научного знания. Авторы подробно излагают обстоятельства создания Министерства народного просвещения и Главного правления училищ, в котором заметную роль играли академики Н.И. Фус и Н.Я. Озерецковский, активно участвовавшие в обсуждении того, как именно следует устроить новую систему просвещения и ведомство, призванное ею управлять. Основным её звеном в итоге оказались университеты, стоявшие в центре учебных округов. Характерно, что в ходе дискуссии об организации Петербургского учебного округа академики рекомендовали возродить Академический университет, прекративший существование к концу XVIII в. Однако в Министерстве отказались от этого предложения, что, по мнению авторов, подтверждает вывод «об отсутствии преемственной связи между Академическим университетом и “новым” Петербургским университетом» (с. 31).

Важнейшие вехи истории Академии наук (в частности, введение её регламентов 1803 и 1836 гг., расширение круга учёных) анализируются в связи с деятельностью ключевых фигур, формировавших политику в сфере образования — Н.Н. Новосильцова, кн. А.Н. Голицына, А.С. Шишкова и особенно С.С. Уварова. Сочувствуя наметившейся в современной историографии тенденции, авторы книги не только не видят в нём «прожжённого реакционера и врага просвещения», как это делалось в советское время, но и признают, что «умелыми административными действиями ему удалось превратить Академию в крупный научный центр и поднять её престиж». Фактически «он изменил её образ

в глазах европейских учёных и русского общества» (с. 69).

Во второй главе прослеживаются особенности комплектования Академии и замещения административных должностей (в том числе вице-президента и неперменного секретаря, направлявших научно-организационную работу). Вместе с тем авторы показали, как она «исподволь, шаг за шагом, была включена в сферу ответственности высших чиновников Министерства народного просвещения» (с. 74). На основании штатов 1803, 1830 и 1836 г. ими выявлена динамика численности её действительных членов в соответствии с перечнем наук, «усовершенствованием коих Академия должна заниматься». Отмечено, что усилению её личного состава в первой четверти XIX в. заметно препятствовало то, что «из-за инфляции реальный заработок академиков сократился вдвое, и сами академики сравнивали его со службой “за бутерброд”». В Академии не уставали сожалеть о том, что крайняя скромность средств лишала её возможности приглашать достойных учёных, устроенных лучше даже в гимназиях» (с. 114). Ситуация выправилась лишь после утверждения в 1830 г. новых штатов.

В соответствии с Регламентом 1803 г. академическая корпорация стала пополняться с помощью выборов, а не назначений. В книге проанализированы нормативные документы, регулировавшие процедуру избрания, требования к кандидатам, правовой статус ординарных и экстраординарных академиков, адъюнктов, почётных членов, воспитанников. Последовательно и детально рассмотрены обстоятельства избрания Г.Ф. Паррота, К.М. Бэра, А.Т. Купфера, В.Я. Струве, М.В. Остроградского, В.Я. Буняковского, Н.Г. Устрялова, П.И. Кеппена и др., выявлены критерии, которыми руководствовались их участники.

Как установили исследователи, в большинстве случаев подбор кандидатов на вакантные места происходил при непосредственном участии президента Уварова. Взаимоотношения «русской» и «немецкой» партий в Академии какого-либо отражения в тексте не получили. Но, по словам авторов, к середине XIX в. «наука в России окрепла настолько, что появилась возможность принимать отечественных учёных без каких-либо особых послаблений» (с. 144).

В третьей главе, самой объёмной, говорится об истории различных академических подразделений. Процесс совершенствования «учёных принадлежностей» Академии, начавшийся в 1826 г. с докладной записки академиков Уварову, растянулся на 10 лет. Устав и Штат 1836 г. закрепили сформировавшийся к тому времени круг академических учреждений. Но они «обладали необходимой пластичностью» для обеспечения последующего развития (с. 162). Так, в первой половине XIX в. архив воспринимался преимущественно как «хранилище делопроизводственных бумаг, необходимых для справок, а не как ценнейший источник ретроспективной документальной информации по истории науки и просвещения в России и Европе» (с. 186). В пореформенные десятилетия он оказался востребован в научной работе. Кунсткамера к началу XIX в. «изжила себя как музей универсального типа», но с середины 1820-х гг. являлась «зачатком самостоятельных музеев» (с. 191). И если формально создание отраслевых музейных коллекций регулировалось Уставом 1836 г., то на практике их разделение произошло на девять лет раньше. В 1830-е гг. музеи уже воспринимались как «полноправные научные институты», требовавшие собственных материальных средств и сотрудников. Отдельные параграфы монографии

посвящены истории Анатомического и Физического кабинетов, Химической лаборатории, Пулковской и Виленской обсерваторий, Ботанического сада и Библиотеки. Собранный и систематизированный материал достаточно полно воссоздаёт обстоятельства создания данных учреждений и позволяет охарактеризовать профессиональные качества служащих и основные направления их занятий.

В четвёртой главе освещена издательская деятельность Академии наук. С 1803 г. её типография перешла в ведение Комитета правления, что способствовало обновлению нормативно-правовой базы и оборудования, а создание системы подготовки собственных типографских работников со временем обеспечило ей стабильный приток денежных средств.

Приложения к монографии удачно дополняют авторский текст. В них, в частности, собраны сведения об изменении состава действительных и почётных членов Академии наук, включая как отечественных, так и зарубежных учёных; в особую категорию выделены лица, избранные по Отделению русского языка и словесности. В обстоятельном очерке рассказано о почётных членах-пенсионерах. Несомненную ценность представляет публикация писем академика Паррота к Николаю I и таких документов, как заметка К.А. Беттигена «Памятная юбилейная медаль Петербургской Академии наук», «Описание Академического музея, составленное в 1827 г. английским врачом А. Гранвилем», «Доклад о действительном состоянии учёных принадлежностей Императорской Санкт-Петербургской

Академии наук и о том, как поднять их до уровня первых институтов Европы», «Записки К.М. Бэра о Зоологическом музее», «Проекты здания Пулковской обсерватории», «Проект положения и штата для типографии Санкт-Петербургской Императорской Академии наук». Все тексты приводятся на языке оригинала с переводом на русский и сопровождаются археографическими комментариями.

В целом авторский коллектив подготовил основательный труд, который вносит существенный вклад в историографию и помогает лучше понять место и роль Академии наук в российской истории и культуре, открывая новые перспективы для дальнейших исследований.

Примечания

¹ Чумакова Т.В. Комиссия по истории Академии наук (1938–1953): её истоки и научная деятельность // Вопросы истории естествознания и техники. 2013. № 3. С. 27–43.

² Илизаров С.С. ИИЕТ в 1953 г. // 80 лет Институту истории науки и техники. 1932–2012. История института в публикациях журнала «Вопросы истории естествознания и техники». М., 2012. С. 150–179.

³ Кольцов А.В. Как писалась «История Академии наук» // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 3. С. 150.

⁴ История Академии наук СССР / Под ред. К.В. Островитянова. Т. 1. М.; Л., 1958; Т. 2. М.; Л., 1964. О подготовке третьего тома «Истории Академии наук» см.: Колчинский Э.И. Историко-научное сообщество в Ленинграде–Санкт-Петербурге в 1950–2010-е гг. СПб., 2013. С. 45.

⁵ Подробнее о серии см.: Тункина И.В., Басаргина Е.Ю. «Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки»: итоги первого десятилетия (2011–2021) // Вестник РАН. 2022. № 3. С. 228–237.